

ПРАВСТВЕННЫЕ АНТИНОМИИ СЕМЬИ И БРАКА

© 2012 В. В. Попова

соискатель каф. культурологии
e-mail: culturology@phipsy.vsu.ru

Воронежский государственный университет

В статье на основании этико-философского анализа феномена семьи были выявлены наиболее важные нравственные антиномии семьи и брака, среди которых – антиномия кровнородственных связей и выхода за пределы этих связей; антиномия отцов и детей; антиномия любви и брака; антиномия плотского и духовного; антиномия смерти индивида и бессмертия рода. Особенность нравственного подхода к указанным противоречиям заключается в том, что они не предполагают внешних решений, а направлены на углубленную духовную работу личности, призванной самостоятельно, без опоры на внешние авторитеты, решать эти противоречия.

Ключевые слова: кровнородственные связи, отцы и дети, плотское и духовное, бессмертие рода, семья, брак, долг, любовь, этическая сущность брака.

Философия всегда начинается с того, что видит *неоднозначность, проблемность или антиномичность* какого бы то ни было явления. Раскрытие противоречивости (антиномичности) явления способствует более глубокому его пониманию и постижению. Семья, как многомерный, чрезвычайно сложный социокультурный и духовно-нравственный феномен, содержит в себе множество противоречий. Именно на проблемный характер семьи обращает внимание в своей работе Е. Б. Рашковский, отмечая следующее: «На протяжении всей осознанной (или, в терминах Карла Ясперса, – "пост-осевой") истории человечества семья, т.е. элементарная кровнородственная ячейка общества, всегда воспринималась не только как непреложная жизненная реальность, но и как проблема» [Рашковский 2011: 27].

В этом контексте важен философский взгляд на проблему семьи, который раскрывает ее нравственно-антиномичный характер. Наиболее важные *нравственные антиномии семьи и брака*, правильное понимание которых будет способствовать разрешению сложившегося кризиса семьи, выглядят следующим образом: антиномия кровнородственных связей и выхода за пределы этих связей; антиномия отцов и детей; антиномия любви и брака; антиномия плотского и духовного; антиномия смерти индивида и бессмертия рода.

Рассмотрим последовательно каждую антиномию.

1. *Антиномия кровнородственных связей и выхода за пределы этих связей*

Это первая и наиболее распространенная антиномия, имеющая культурно-исторический характер общечеловеческого уровня. Это антиномическое свойство семьи проявляется первоначально в локальных культурных образованиях: с одной стороны, семья основывается на кровнородственных связях и отношениях, с другой стороны, семейные отношения выходят за пределы кровнородственных связей, поскольку имеют социально-экономические, духовно-нравственные, культурные измерения. Известный специалист И. С. Кон отмечает, что «...люди уже в глубокой древности отличали прирожденное, кровное родство от искусственного, создаваемого посредством особого социального ритуала» [Кон 1989: 34].

Многочисленные данные этнографического характера подтверждают эту универсальную закономерность, в основе которой лежит идея о высокой значимости духовного не только для индивидуального, но и социального бытия человека. И как раз на уровне семейных отношений это проявляется наиболее остро и явно: не «кровь и почва», а дух в конечном счете является определяющим в человеческих отношениях.

Отсюда нельзя, конечно, впасть в сознательный противовес материалистическому учению, всегда ставящему *материальное выше духовного*, также неоправданно зависить *духовное над материальным*, но нужно подчеркнуть высокую значимость именно духовного в структуре человеческого бытия. Для человека значимо и материальное и духовное, в определенном смысле человеческое есть *единство материального и духовного*, которое, однако, находится в состоянии постоянного противоборства, что и составляет его антиномичность, в семье достигающую наибольшей степени проявления и воплощения.

В контексте мировой истории этот процесс имеет далеко не однозначный характер; по мнению некоторых исследователей, которые не стоят на позициях эволюционной теории, семья изначально является духовным структурообразующим элементом общества и культуры.

Именно в этом и проявляется глубокий духовный смысл семьи, в той «социальной ячейке», в которой и происходит первичное преодоление родовых, кровнородственных связей, по сути биологически детерминирующих человека. То, что человек в браке соединяется с другим человеком другого пола из другого рода свидетельствует о том, что в этом действе происходит преодоление ряда природных детерминаций. Этот процесс перехода из одного рода в другой сопровождается приобретением родственников, с которыми, как всегда, возникают трудности прежде всего морального плана. Именно здесь необходимо искусство правильного общения с родственниками, основанное на понимании этой антиномии.

Весьма поучительны в этом плане советы Альберти, который ясно осознавал нравственные трудности, связанные с появлением *родства* в результате заключения брачных отношений. В «Книгах о семье» он писал по этому поводу: «Я полагаю, что прежде всего тут необходимо как следует изучить образ жизни и поступки новых родственников. Многие браки, как можно всякий день об этом услышать и прочесть, стали причиной крушения целых семей, ибо последние породнились со сварливыми, неуступчивыми, высокомерными и неприятными людьми. Краткость требует опустить примеры, но я думаю, что нет такого глупца, который не предпочел бы обходиться без жены, чем страдать от такого родства. Иногда можно видеть, что оно вредит и приносит несчастье женихам, которые бывают вынуждены содержать собственную семью и в придачу еще ту, откуда взяли девушку. Нередко новые родственники, не умея вести дел или будучи неудачниками, по необходимости перебираются в дом своего зятя. Только что женившись, ты не можешь ни терпеть их без ущерба для себя, ни отослать их прочь без скандала. ...позаботься о том, чтобы такие новые родичи не были слишком низкого происхождения, не были чересчур бедны, не занимались презренным трудом. А в остальном, чтобы были скромны и воздержанны; и чтобы они не очень превосходили тебя, потому что их высокое положение может затмить твоё достоинство и звание и нарушить покой твоей семьи. Если же кто-то из них падет, ты сможешь подать ему руку и поддержать без особых неудобств, не взваливая себе на плечи неподъемного веса. Но родственники не должны быть и ниже тебя, потому что как в первом случае ты попадаешь в рабство, так во втором они ведут тебя в расходы. Итак, они должны быть равными тебе и, как мы уже сказали, скромными и воспитанными» [Альберти 2008: 104–105].

Эти, на первый взгляд, утилитарные соображения, в действительности отражают реальную глубину нравственной проблематики, возникающую в связи с преодолением кровнородственных связей. Это требует значительных нравственных усилий, отсутствие которых приводит к бесчисленным конфликтам, имеющим место во внутрисемейных отношениях.

2. Антиномия отцов и детей

Эта антиномия такая же универсальная, как и первая. Однако в традиционалистских обществах степень ее интенсивности несколько ниже, чем в обществах нетрадиционных (то есть западных). Традиционные общества, в которых силен «культ предков», ценностное предпочтение получают «отцы» перед «детьми», предназначение которых заключается в том, чтобы как можно в неповрежденном виде сохранить традицию.

Однако антиномия отцов и детей – это так называемая *поколенческая проблема*, свойственная человеческому роду: там, где есть семья, есть проблема между поколениями. Детям свойственно отрицать ценности отцов, вырабатывая собственные ценности и таким образом самоутверждаться. Есть психология «отцов» и психология «детей»; по своей сути это глубоко различные психологии, за которыми стоят различные способы самоутверждения в мире.

Одним из первых мыслителей в контексте общеевропейской культуры, который поднял поколенческую проблему, был русский писатель И. С. Тургенев. Его роман «Отцы и дети» раскрывает не только проблему в социальном аспекте (как часто принято считать), но и в этико-философском. К этой проблеме в нравственном аспекте обращались и другие русские писатели-философы: Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, А. П. Платонов и др.

Эта антиномия имеет двойственный характер: положительный и отрицательный. Положительный аспект поколенческой проблемы заключается в том, что она не дает обществу застыть и окостенеть в старых и отживших формах; отрицательный – в том, что «детям» по своей сути свойствен нигилизм, который иногда имеет явно деструктивные свойства. Кроме того, явный перекося в сторону «детей» обусловлен еще и тем, что в этом случае происходит забвение «родительского чувства», что само по себе имеет нравственно негативный характер.

«Предательство отцов детьми», о котором много и убедительно говорил русский философ XIX века Н. Ф. Федоров, является коренным пороком цивилизации, за которым кроются все «беды рода человечества»: войны, преступления и т. д. В то же время, явное доминирование «отцов» над «детьми», диктат со стороны старшего поколения также имеет явно негативные нравственные последствия: подавление инициативы молодых, засилье геронтофилии (и соответственно, геронтократии), «старческие прихоти» и многое другое – все это следствия неправильного решения проблемы в пользу «отцов».

В этом раскрывается значимый аспект конфликта отцов и детей, в действительности аспект трагический, который ни педагогика, ни психология, ни мораль не могут позитивно разрешить до нынешнего времени. Универсальность этого конфликта переводит его из социально-психологической сферы в область духовную, бытийную, нравственную. В этом смысле нравственная философия, показывающая нелицеприятные стороны человеческой натуры, обналичивает антиномию отцов и детей, способствуя тем самым ее преодолению.

3. Антиномия любви и брака

С точки зрения положительной теории ценностей и здравого смысла любовь и брак должны совпадать; в идеале именно в браке любовь и достигает своего

наивысшего воплощения. Однако с точки зрения философии здесь содержится глубочайшая антиномия.

Эта антиномия в большей мере присуща европейской культуре периода секуляризации. В это время в значительной мере ослабли патриархальные отношения, утратила всемогущая шкала религиозных ценностей, в целом отношения между полами стали более свободными и раскрепощенными. С точки зрения ригористической (яркий пример роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина») супружеская измена – абсолютный грех, карающийся весьма жестоко, при этом данная проблема имеет сильные нравственный аспект, затрагивающий сложный пласт межличностных отношений.

В этой антиномии столкновение *рода и индивида* проявляется наиболее сильно. С точки зрения рода, высшим проявлением которого является семья, брачные узы являются добродетелью, с точки зрения индивида высшей добродетелью является любовь. Более того, в любви, даже если она идет наперекор браку, личность достигает наиболее полного расцвета и проявлений своих духовных качеств.

Как этическую антиномию высшего порядка, в которой в наибольшей мере проявляется «трагизм и парадоксальность нравственной жизни», антиномию столкновения любви и брака осмыслил русский философ Н. А. Бердяев в своей главной работе по этике «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики». В ней он писал следующее: «...трагическими конфликтами полна жизнь эротическая, жизнь любви. И наиболее трагично тут, когда любовью одного качества приходится жертвовать для любви другого качества. Человек иногда жертвует любовью, в которой видит величайшую ценность и благо, во имя ценности другого порядка, во имя сохранения особым образом понятой свободы, во имя семейных привязанностей, во имя жалости к другим людям, страдающим от этой любви. Но и наоборот, человек может пожертвовать несомненной ценностью своей свободы и своего дела в мире, ценностью семьи и ценностью сострадания к людям во имя бесконечной ценности любви» [Бердяев 2003: 228].

Н. А. Бердяев указывает на факт человеческой свободы, которая только одна и способна осознать и решить нравственный конфликт, который, однако, полностью никогда не разрешим, поскольку именно раскрывает «трагизм жизни». Этика, раскрывая трагическую сущность жизни, в том числе и в такой ее важной форме, как брак, помогает принять жизнь реально, не утопически и иллюзорно, избежав тем самым, возможно, еще более глубокого трагизма.

Особое место в вопросе о взаимоотношении любви и брака, который приобретает форму вопроса о взаимоотношении любви и долга, принадлежит С. Кьеркегору, который глубочайшим образом раскрыл его в своей книге «Или – или» в разделе «Эстетическая значимость брака», специально посвященном этому вопросу. Оппонируя представлениям о том, что долг есть враг любви, Кьеркегор доказывает обратное: рассматривает любовь как друга.

Прежде всего, Кьеркегор постулирует *важность этического начала, заложенного в браке*. Философ, применяя парадоксальную логику, всячески стремится показать несостоятельность точки зрения о том, что долг убивает любовь, принижает ее. Долг выступает в качестве проверки истинной любви, ибо, как говорит Кьеркегор, «если долг есть враг любви и любовь не может победить этого врага, значит любовь нельзя считать истинным триумфатором» [Кьеркегор 2011: 623]. Философ устанавливает высшую гармонию между долгом и любовью: «для меня не получается так, что долг – это один климат, любовь же – совершенно другой, – о нет, долг превращает для меня любовь, а любовь превращает долг в [страну] с поистине умеренным климатом, – вот такое единство как раз и оказывается совершенством». Долг, утверждает Кьеркегор,

всегда созвучен любви, более того, он есть истинный спутник и помощник в любви, поскольку перед любящими раскрывает вечную перспективу.

Поистине как гимн долгу любви звучат следующие слова мыслителя: «ведь долг-то как раз любит любовь истинную, ложную же ненавидит не на жизнь, а на смерть, – да что там, он даже убивает ее. Если индивиды пребывают в истине, они увидят в долге всего лишь вечное выражение того обещания, что им предуготовлен путь в вечность...». В долге для любящих открыты все пути, не случайно в самом языке категория долженствования выражается через категорию будущего времени. И в этом исторический характер любви, основанной на долге.

Исходя из этого, Кьеркегор приходит к разрешению противоречия между любовью и долгом в браке: «В браке...самое главное – это внутреннее, – то, что нельзя показать и на что нельзя ткнуть пальцем; подходящим же выражением для этого будет как раз любовь. Потому я не вижу никакого противоречия в том, что она-то и вменяется супругу в качестве долга». Долг, любовь и брак оказываются для Кьеркегора взаимосвязанными, более того, долг выступает как связующая инстанция, как истинный гарант любви и брака.

Долг, таким образом, согласно Кьеркегору, есть друг, первый и единственный поверенный нашей любви: «само это умение всегда держать глаза открытыми есть благословение долга, тогда как романтическая любовь может заблуждаться или же останавливаться на полпути в силу своего неисторического характера». И поэтому: «только супружество дает историческую верность, которая по крайней мере так же красива, как и рыцарская».

Такова реабилитация супружества, эстетическая значимость которого приравнивает его к рыцарской красоте. Таким образом, восстанавливается этико-эстетическая значимость брака, в которой, согласно Кьеркегору, преодолевается антиномия любви и долга.

4. Антиномия плотского и духовного

Данная антиномия раскрывает важные метафизические основы отношений вообще между мужчиной и женщиной. С одной стороны, здесь раскрывается своеобразная диалектика, в которой духовное чувство переходит в плотское, которое снова становится духовным. Если здесь и есть противоречие, то оно есть необходимый момент синтеза, достигаемого в результате этого противоречия. Применительно к браку этот синтез есть единство духовного и материального, который именно в браке достигает наивысшей гармонии.

В то же время это весьма противоречивая гармония, единство которой достигается не столько на взаимном согласии полов, сколько на их бесконечном противоборстве. Понять это возможно лишь с помощью этико-философского анализа взаимоотношения двух этих ипостасей брачного союза.

Дуализм «души и тела» в контексте семейно-брачных отношений приобретает особый смысл и значение, особую глубину и, скорее всего, неразрешимость. Человек по своей сути, антропологически, состоит из двух начал, которые религиозно-философская мысль условно именует как «плоть» и «дух» (или «душа» и «тело»). Эти начала отражают фундаментальную устремленность человека, которая является по своей сути противоречивой, но противоречивость ее свидетельствует в пользу человека как реального живого духовного образования, который и жив тем, что находится в постоянном конфликте и противоборстве этих противоречивых начал.

Традиционная мораль и религия стремятся сгладить эти противоречия, однако этико-философский анализ раскрывает именно антиномический характер материального и духовного в браке, тем самым раскрывает его наиболее глубокую основу. В. В. Розанов оригинально и глубоко раскрывает суть этих отношений в браке.

Ключевым понятием для него является понятие «пол», которое и образует это антиномическое единство чувственного и духовного в браке. В следующих словах философа это достаточно отражено: «Перед нами – пол... Что такое? Предмет стыда, т. е., поправляем мы, застенчивости и этого странного инстинкта, в силу которого все в природе понижает голос, начиная говорить о важном» [Розанов 1990: 211].

Иными словами, *чувственное* связано со *стыдливостью*, *стыдом*, корни которого имеют еще библейские истоки, с другой стороны, именно это и есть предмет наиболее возвышенный и вдохновенный. И вот именно в браке, в котором достигается наивысший союз мужчины и женщины, образующий некую высшую метафизическую целостность, эта двойственность, иначе – антиномичность, проявляется наиболее сильно.

5. Антиномия смерти индивида и бессмертия рода

На уровне обыденного сознания господствует представление о том, что «дети – наше будущее», за которым кроются глубокие мировоззренческие смыслы. Эти смыслы заключается не только в том, что поколения сменяют друг друга, но и в том, что *ценой рождения является смерть*. Этот универсальный закон смены поколений составляет еще одну антиномию брака.

Брак как наивысшая гармония любящих людей далеко не в последнюю очередь венчает свое счастье деторождением. Конечно, есть и бездетные браки, но таковые, как правило, считаются несчастными. Рождение детей – очень высокая (хотя, конечно, не единственная) цель брака. Но трагический парадокс в том, что дети как продолжение жизни являются продолжением жизни рода, а не семьи. Для семьи – это продолжение временное, оканчивающееся смертью родителей, которые, как бы выносили залог бессмертия рода ценой собственной смерти. Иными словами, бессмертие рода, достигаемое большим и главным образом в семье, осуществляется за счет смерти индивидов (в данном случае родителей).

Глубоко и много о нравственно противоречивой сущности любви, брака, размножения писал В. С. Соловьев. «Смысл любви» – работа, специально посвященная этим вопросам. Однако «Оправдание добра» – главный труд по нравственной философии, в котором говорится: «Плотское условие размножения для человека есть зло; в нем выражается перевес бессмысленного материального процесса над самообладанием духа, это есть дело, противное достоинству человека, гибель человеческой любви и жизни; нравственное отношение наше к этому факту должно быть решительно отрицательное; мы должны стать на путь его ограничения и упразднения. ... утверждение плотского отношения полов для человека есть во всяком случае зло. Безусловного осуждения заслуживает окончательное примирение человека с царством смерти, которое поддерживается и увековечивается плотским размножением» [Соловьев 1988: 147–148].

О противоречии между *родом и видом* писали многие, но, как правило, в отличие от русских философов, в нравственно нейтральных тонах. У Гегеля это вообще является фундаментальной составляющей его философии духа, в которой как раз бессмертие рода осуществляется за счет смерти индивида, в чем философ не видел никакой трагедии, полагая это законом, чуть ли не возмездием. Философ пишет: «...произведение рода есть порождение индивидуумов через смерть других индивидуумов того же рода; воспроизводя себя как другое, индивидуум отмирает» [Гегель 1975: 535].

Нравственная антиномичность появляется тогда, когда на этот процесс смотрят не беспристрастными глазами рациональной науки, а когда понимают, что в самом *акте деторождения содержится зародыш смерти*. Иного способа продолжения рода нет, именно поэтому это и есть антиномия, а не просто закон. *Смерть через жизнь, а*

жизнь через смерть – так можно сформулировать сущность этого процесса, в котором безличностная закономерность сталкивается с нравственным восприятием.

Эта антиномия доведена до высшего своего проявления Ф. М. Достоевским, заострившим ее до уровня всемирной истории. Он писал: «Семейство, то есть закон природы, но все-таки ненормальное, эгоистическое в полном смысле состояние от человека. Семейство – это величайшая святыня человека на земле, ибо посредством этого закона природы человек достигает развития (то есть смены поколений) цели. Но в то же время человек по закону же природы, во имя окончательного идеала своей цели, должен беспрерывно отрицать его. (Двойственность)» [Достоевский 1989: 462].

Итак, мы видим, что этико-философский анализ раскрывает те глубинные пласты брачно-семейных отношений, антиномичную природу семьи, которая не видна с позиций традиционной семейно-бытовой морали и современной гендерной парадигмы. Необходимо обращение к философии, и прежде всего к русской философии, в которой вопросы пола, любви, эроса, жизни, смерти, бессмертия, смысла исторического и вселенского бытия были проработаны на высшем уровне.

Библиографический список

- Альберти Л. Б.* Книги о семье. М.: Языки славянской культуры, 2008. 416 с.
- Бердяев Н. А.* Опыт парадоксальной этики. М. : Фолио, 2003. С. 701 с.
- Гегель. Г. В. Ф.* Энциклопедия философских наук. Т. 2. Философия природы. М.: Мысль, 1975. 695 с.
- Достоевский Ф. М.* Возвращение человека. М.: Сов. Россия, 1989. 558 с.
- Кон И.С.* Дружба: Этико-психологический очерк. 3 изд. М. : Политиздат, 1989. 350 с.
- Кьеркегор С.* Эстетическая значимость брака // Кьеркегор С. Или – или. Фрагмент из жизни: в 2 ч. СПб. : Амфора, 2011. 823 с.
- Рашковский Е. Б.* Феномен семьи (междисциплинарные заметки) // Вопросы философии. 2010. №10. С. 27–37.
- Розанов В. В.* Семья и жизнь // Розанов В. В. Религия и культура. Т. 1. М.: Правда, 1990. 636 с.
- Соловьёв В. С.* Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьёв В. С. Соч.: в 2 т. Т. 1 / Сост., общ. ред. и вступ. ст. А. Ф. Лосева и А. В. Гулыги. М.: Мысль, 1988. 892 с.